

УДК 94(47).073/083

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ В 1845–1855 гг.

© 2019 г.

М.С. Шишкина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел

maschakutaf@mail.ru

Поступила в редакцию 18.03.2019

Анализируется трансформация образовательного пространства Императорского училища правоведения в 1845–1855 гг. Прослеживается влияние правительственной политики в сфере образования на постановку учебного дела и воспитательного процесса в Училище правоведения. Преимущественное внимание уделено организации подготовки абитуриентов для училища, милитаризации порядков заведения, изменению перечня изучаемых дисциплин. Сделан вывод о том, что в 1845–1855 гг. образовательное пространство Училища правоведения претерпело серьезные изменения, которые отнюдь не ограничивались свойственной этому периоду формализацией и милитаризацией всех сторон жизни русской школы. Директору А.П. Языкову удалось внести существенные положительные изменения в учебный курс, которые способствовали улучшению качества подготовки специалистов для государственной гражданской службы.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения, образовательное пространство, Николай I, «мрачное семилетие», А.П. Языков, кавказские воспитанники, правоведы, закрытое учебное заведение, П.Г. Ольденбургский.

Императорское училище правоведения, созданное в 1835 г., в течение первых десяти лет своей деятельности успело сделать несколько выпусков юристов, заложивших основу обновленной российской бюрократии. Дальнейшая жизнь заведения была детерминирована ключевыми векторами образовательной и культурной политики эпохи «мрачного семилетия». Характерными чертами развития училища в анализируемый период стали создание собственной системы подготовки абитуриентов, милитаризация образовательного процесса и приведение учебного курса в соответствие с требованиями, предъявляемыми к выпускникам на службе.

Учреждение preparatory отделения стало настоятельной необходимостью, выявившейся в первое десятилетие существования заведения. Поступлению в училище предшествовало прохождение вступительных испытаний по нескольким предметам. Для успешной сдачи экзаменов многие родители заблаговременно определяли своих детей в частные preparatory пансионаты. Однако это было сопряжено с рядом неудобств. Во-первых, плата за обучение в таких заведениях, как правило, являлась достаточно высокой даже для обеспеченного дворянства. Во-вторых, учебные программы, в соответствии с которыми организовывались занятия в частных пансионатах, не были согласованы с требованиями к поступающим в Училище правоведения, что приводило к провалам абитуриентов на вступительных испытаниях.

Эти обстоятельства побудили руководство училища в 1846 г. задуматься об открытии собственного preparatory класса. К тому времени появилась и еще одна веская причина его создания: в 1846 г. по воле Николая I в училище были учреждены специальные вакансии для кавказских уроженцев. Не получив на родине достойного образования, не владея иностранными языками и даже с трудом говоря по-русски, они не могли успешно овладевать программой училища. Преподавателям приходилось закрывать на это глаза, но такая практика в отношении учеников отрицательно сказывалась и на других воспитанниках. Руководство училища понимало, что прием кавказских воспитанников в училище должна предшествовать их основательная preparatory подготовка.

Открытие preparatory класса состоялось 24 апреля 1847 г. [1, л. 122]. Зачисленные в него абитуриенты готовились к поступлению исключительно в Училище; поэтому класс может считаться первым специализированным preparatory учебным заведением в Российской империи [1, л. 33]. Класс делился на 2 отделения: младшее, куда первоначально принимались дети в возрасте 8–10 лет, и старшее, предназначенное для учеников 10–13-летнего возраста. Общая численность обучавшихся обоих отделений составляла 40 человек [1, л. 76]. Учебный курс длился один год, но в каждом отделении можно было оставаться от

2 до 3 лет [1, л. 78], если же и по истечении этого времени воспитанникам не удавалось овладеть учебной программой, они исключались из учебного заведения. Обучение являлось платным, и его стоимость, как и в основных классах Училища, составляла 450 р. в год [1, л. 9]. В пригготовительном классе из обязательных дисциплин преподавались исключительно предметы, необходимые для поступления в седьмой, младший класс училища (нумерация классов в заведении была обратной). Кроме того, для общего развития мальчикам преподавали рисование, пение, музыку, танцы и гимнастику [1, л. 80]. После окончания пригготовительного класса его выпускники держали вступительный экзамен в училище на общих основаниях с другими поступающими.

Логическим продолжением заботы о качестве абитуриентов являлась корректировка правил перевода из одного класса в другой в целях отсева неспособных и улучшения качеств. Так, в 1847 г. были изменены правила перевода воспитанников из четвертого класса в третий, которые напрямую влияли на профессиональную подготовку выпускников: в младших классах воспитанники осваивали гимназическую программу, а в старших – университетский курс юриспруденции. Попечитель Училища правоведения принц П.Г. Ольденбургский обратил внимание педагогического состава учебного заведения, что многие воспитанники, даже успешно сдав переводной экзамен, не желали учиться и не приобретали необходимых знаний в области права. Принца, создавшего училище и относившегося к нему весьма трепетно, не могло не волновать качество специалистов, покидавших стены *alma mater*. Кроме того, он отмечал, что «таковые воспитанники дорого стоят казне» [2, л. 1]. Совет училища одобрил предложение П.Г. Ольденбургского при переводе правоведа в третий класс обращать внимание не только на экзаменационную оценку, но и на общее развитие воспитанников. Эта мера вкупе с учреждением пригготовительного класса позволила улучшить состав обучавшихся. Из частных мер, также способствовавших развитию у воспитанников профессионально значимых качеств, следует отметить то, что кавказским воспитанникам, многим из которых предстояло служить в Закавказье, стали преподавать грузинский язык [2, л. 10].

В конце 1840-х гг. началась милитаризация порядков в училище, обусловленная как общегосударственными тенденциями, так и частными причинами, касавшимися лишь правоведа.

Усиление реакции стало главной отличительной чертой внутриполитического развития

России в последние годы правления Николая I. Ужесточение методов управления и распространение армейских порядков на все стороны жизни общества не могли не затронуть и систему образования, в том числе высшего. Императорское училище правоведения, с момента своего создания неизменно находившееся под пристальным вниманием самодержца, в полной мере испытало на себе влияние перемен, ставших прелюдией «мрачного семилетия». Император с горечью говорил о том, что «Россией правят столоначальники», и придавал большое значение облику бюрократической элиты, воспитанием которой занималось училище. Последовательная формализация и милитаризация системы управления должны были привести к существенной трансформации образовательного пространства заведения, к изменению профессионального и социокультурного облика его выпускников.

Непосредственной же причиной военизации порядков в училище стала реакция некоторых правоведа на события европейских революций 1848–1849 гг. Образованные, мыслящие юноши, подобно барометру, реагировали на изменения политической ситуации во Франции и других странах. Как отмечал правоведа 61-го выпуска Г.П. Сюзор, общественно-политическое движение в Европе взволновало «...интеллигентные слои русского общества и не могло пройти незамеченным для молодежи, как наиболее чуткого и восприимчивого элемента» [3, с. 38]. По воспоминаниям правоведа В.П. Мещерского, в старших классах активно нарастало брожение умов [4, с. 4].

В 1848 г. произошел ряд событий, заставивших руководство училища насторожиться. В феврале воспитанник пятого класса Ямонд, узнав в отпуске о начале революции во Франции, по возвращении в училище с воодушевлением стал говорить своим товарищам: «Франция более не королевство, а республика, потому что парижане прогнали короля, а трон сожгли» [3, с. 39]. Об этом стало известно начальству, и Ямонда без всяких объяснений исключили из училища. В конце того же года два воспитанника третьего класса, находясь в дружеской компании в одном из ресторанов Петербурга, сочувственно отозвались о «деле петрашевцев». О содержании разговора доложили шефу жандармов, обоим правоведа исключили из заведения и отправили солдатами на Кавказ и в Оренбургский край. В это же время у одного из правоведа изъяли вольнодумные записки [3, с. 39].

В следующем году обнаружилось, что революционные настроения успели глубоко проникнуть в училищную среду – выпускник учи-

лица 1848 г. Василий Головинский был осужден по делу петрашевцев и приговорен к расстрелу, замененному отдачей в солдаты.

Ситуация требовала незамедлительного реагирования. В училище приехал министр юстиции граф В.Н. Панин и устроил правоведам разнос, обвинив их в неблагоденности и недостойном поведении. Были приняты и меры, рассчитанные на долговременный эффект. Стремление начальства училища лишить правоведам возможности на занятиях обсуждать результаты Февральской революции во Франции привело к упразднению таких дисциплин, как сравнительное правоведение и политическая экономия, а преподавание в первом классе французского судопроизводства в середине учебного года заменили на чтение лекций по французской словесности [5, л. 5]. Стоит отметить, что эти меры являлись составной частью общеправительственной образовательной политики. Грозные вести из Парижа, Берлина, Рима заставляли спешно перекраивать курсы и в университетах [6, с. 265]. Преподавание государственного права и философии было запрещено, а чтение логики и психологии возложено на профессоров богословия.

В 1849 г. по решению П.Г. Ольденбургского был сделан важный шаг в сторону превращения училища в аналог военной школы: «с целью учреждения порядка... подобно тому, какой существует в военно-учебных заведениях» [7, л. 2]. Директора, инспекторы и воспитатели стали назначаться исключительно из офицеров. Невольно всплывают в памяти бессмертные грибоедовские строки: «Я князь-Григорию и вам / Фельдфебеля в Вольтеры дам, / Он в три шеренги вас построит, / А пикните, так мигом успокоит» [8, с. 107]. Стоит отметить, что с самого начала в училище существовала практика назначения директорами генералов и штаб-офицеров. Однако если первые директора училища, оставаясь на военной службе, обращались со своими подопечными как с учащимися гражданских школ, то отныне на долгие годы в заведении установился казарменный режим. Статус обучающихся резко изменился. На правоведам младших классов стали смотреть как на питомцев кадетских корпусов, а на старшекласников – как на юнкеров инженерного и артиллерийского училищ.

Несмотря на то что по повелению императора замена гражданских воспитателей военными должна была осуществляться постепенно, по мере выбывания первых, на деле практически сразу же статские воспитатели оказались вытеснены офицерами. Право определять новых воспитателей, как и ранее, получил попечитель

училища. Занять должности в училище могли офицеры всех родов войск без исключения. Главными требованиями являлись служба в офицерском звании не менее 6 лет и нахождение в чинах от поручика до майора [7, л. 1]. Многие офицеры, не ограничиваясь воспитательскими обязанностями, стали преподавать учебные дисциплины, в частности математику. Отношения между правоведами и их новыми наставниками складывались непросто. Правовед В.И. Танеев писал: «Между ними и нами не было ничего общего. Никогда они не делали попыток к сближению с нами» [9, с. 159]. В то же время другой воспитанник училища, И.А. Тютчев, отмечал, что нелюбимых воспитателей было очень немного.

Но на этом принятие мер по усилению дисциплины и ужесточения порядка в училище не закончилось. Важным нововведением стало создание должности инспектора воспитанников [7, л. 4]. Первым инспектором стал подполковник артиллерии Рутенберг, ранее занимавший должность библиотекаря и преподавателя ипологии в Артиллерийском училище. Правоведы по-разному относились к инспектору. По воспоминаниям князя Мещерского, любимыми словами Рутенберга были: «Я вас вздеру» [4, с. 14]. Кроме того, Мещерский отмечал, что при назначении наказания Рутенберг не принимал во внимание степень тяжести совершенного проступка: «Он вел за руку тихим шагом драть воспитанника, пойманного за курение, и тем же тихим шагом и тою же рукою вел на экзекуцию воспитанника за гадость» [4, с. 14]. Однако И.А. Тютчев объяснял это внешнее равнодушие инспектора особенностями его темперамента: Рутенберг, по его словам, был «постоянно одинаков и невозмутимо флегматичен» [10, с. 33]. Инспектор воспитанников не был особенно приветлив с правоведами, но благодаря своему спокойному характеру и армейской выправке никогда не выходил из себя и не назначал необдуманных наказаний. Так, Тютчев вспоминал, что однажды, когда Рутенберг вознамерился отправить одного из учащихся в карцер, правоведам в знак протеста начали топтать ногами. Однако инспектор вместо того, чтобы испугаться, лишь невозмутимо подкрутил усы и с презрением буркнул: «Я обстрелянный, меня этим не испугаешь» [10, с. 33]. После этого случая Рутенберг сильно вырос в глазах своих питомцев.

Ужесточению порядков в училище способствовало и назначение на директорский пост бывшего полицмейстера Риги генерал-майора А.П. Языкова. О мерах, проводимых директором, вспоминал князь В.П. Мещерский: «[Языков] все усиливал свою строгость после каждо-

го отдельного случая неповиновения и строптивости» [4, с. 6]. Вступив в должность, Александр Петрович начал энергично реформировать училище. Особую роль в выработке повиновения воспитанников директор отводил строевой подготовке, которая прочно вошла в жизнь заведения. После завтрака правоведа делились на группы по десять человек и шли маршировать.

Деятельный и предприимчивый Языков не ограничился превращением правоведа в юнкеров. Заботясь о качестве подготовки будущих чиновников, он инициировал пересмотр правил поступления в училище, стал бороться с пропусками занятий педагогами, начал перекраивать учебный курс.

Приготовительный класс, сыгравший большую роль в подготовке абитуриентов к поступлению в училище, Языков решил упразднить. По мнению генерала, затраты на содержание этого класса были непомерно велики [1, л. 78]. Фактическое число воспитанников зачастую превышало установленную норму, и нередко в класс, несмотря на строгие правила приема, попадали ученики с очень низким уровнем первоначальной подготовки, не умевшие даже читать. В течение первых двух лет существования подготовительного класса правила перехода из него в VII класс училища отсутствовали, что порождало много вопросов со стороны родителей. Совет училища предполагал, что необходимо переводить в VII класс всех, кто набрал достаточное количество баллов, а кандидатов из прочих учебных заведений принимать на оставшиеся места, но попечитель училища принц П.Г. Ольденбургский выступил против этого. В основу утвержденных в 1849 г. правил легла точка зрения попечителя: дети, сдавшие в подготовительном классе выпускные экзамены, не только не переводились безусловно в училище, но и не получали ни малейших преимуществ. Они становились в одну линию с поступающими со стороны и должны были проходить конкурсный отбор в соответствии с полученными при выпуске баллами; таким образом, выпускные экзамены превращались для них из переводных во вступительные. Общий конкурс показал несоответствие подготовительного класса возложенной на него роли главного канала подготовки правоведа к поступлению в основные классы училища. В 1849 г. лишь 19 учеников VII класса закончили подготовительный класс, а 24 поступили из других учебных заведений. Попечитель Училища не согласился с ликвидацией подготовительного класса, и он продолжил существовать, однако организация его деятельности претерпела ряд важных изменений. Так, минимальный возраст поступающих увели-

чился с 8 до 10 лет, а общее количество учеников было ограничено до 40. Последнее правило впоследствии не соблюдалось: например, в 1851 г. в подготовительном классе числилось 36 воспитанников [11, л. 1], а в 1854-м уже 59 [12, л. 6]. В то же время увеличилось и число выпускников подготовительного класса, успешно сдавших вступительный экзамен в училище.

В 1850 г. также по инициативе директора было принято решение об ограничении количества правоведа в младших классах 30 воспитанниками, в то время как численность учеников в отдельных из них достигала 48 человек [13, л. 20]. С этой целью вводился временный запрет на прием в V и IV классы училища. Количество воспитанников училища сократилось за три года на 13% с 272 человек (1850 г.) до 237 (1854 г.) [14, с. 48].

Ужесточение порядков в училище коснулось и преподавательского состава. Начиная с 1849 г. усилился контроль за посещаемостью педагогами занятий, причем за пропуски по неуважительным причинам делались вычеты из жалованья. По мнению П.Г. Ольденбургского, являвшегося одновременно и попечителем Александровского лицея, вычет из жалования должен производиться на основе устава российских университетов. Николай I одобрил эту идею, сделав на докладе собственноручную помету: «Справедливо было бы распространить на все заведения» [15, л. 4]. В 1854 г. руководство училища разделило все пропуски преподавателей на 4 категории: по болезни, служебная занятость в других местах, домашние обстоятельства и неизвестные причины. Заболев, преподаватели должны были известить об этом руководство заведения не позже начала занятий, вычет жалования в таком случае не производился. При отсутствии из-за работы в других местах преподаватель лишался жалования за пропущенные занятия независимо от того, оповещал он об этом руководство или нет. Если же такие пропуски становились частыми, то педагогу отказывали от места в училище. Обязательному вычету жалования подвергались и пропуски по неизвестным причинам, вовремя не доведенные до сведения руководства. Что же касается неявки по домашним обстоятельствам, то вычет жалования за них мог быть произведен по усмотрению начальства.

А.П. Языков не упускал из виду и учебную деятельность заведения. В 1852 г. он обратил внимание совета училища на то, что успешному развитию училища мешает ряд обстоятельств. Во-первых, в VII класс принимались дети с 11.5 до 15.5 года, что порождало пестроту состава классных отделений, негативно сказыва-

вавшуюся как на учебных успехах, так и на дисциплине. Во-вторых, курс юридических дисциплин, буквально спрессованный в трехлетний срок, с трудом усваивался из-за его исключительной насыщенности [16, л. 8]. Совету училища предстояло рассмотреть вопросы, связанные с возрастом детей, принимаемых в VII класс, предельно допустимым числом лет пребывания в одном классе, правилами выставления оценок и объемом часов, необходимым для каждой из учебных дисциплин. Таким образом, Языков инициировал перестройку учебного курса училища, завершившуюся лишь в 1860-е гг.

В 1854 г. преподавание местных законов Остзейских губерний на немецком языке заменялось преподаванием на русском языке [17, л. 7]. Инициатором этого нововведения стал директор училища. За пятилетний срок своего пребывания на директорском посту А.П. Языков убедился в весьма слабых познаниях правоведов в немецком языке, что не позволяло им не только хорошо усвоить правовую часть предмета, но и вообще понять речь учителя. Попечитель училища П.Г. Ольденбургский одобрил данную инициативу.

Таким образом, в последние годы правления Николая I образовательное пространство Императорского училища правоведения претерпело серьезную перестройку. Забота о качественном улучшении контингента обучавшихся привела к созданию пригготовительного класса, которому суждено было сыграть важную роль в адаптации абитуриентов к освоению насыщенной учебной программы. Милитаризация всех сторон жизни государства и общества, являвшаяся лейтмотивом «мрачного семилетия», вкуче с реакцией правоведов на революционные события во Франции, привела к военизации порядков в училище и выстраиванию отношений между руководством и преподавателями, преподавателями и воспитанниками на основе жесткой субординации. Главной причиной этой трансформации была борьба с революционным движением. Вместе с тем директор А.П. Языков даже в это суровое время сумел не просто «подтянуть» училище, но и внести позитивные изменения в его учебную деятельность, инициировав перераспределение учебных дисциплин между классами с целью облегчить прохождение курса.

Ожидание перемен, охватившее общество после вступления на престол Александра II, не

могло обойти училище стороной. Военно-казарменный режим жизни будущих чиновников за считанные месяцы превратился в нелепый реликт ушедшей в небытие николаевской эпохи. В ноябре 1855 г. принц Ольденбургский обратился к министру юстиции В.Н. Панину с просьбой допустить в училище в качестве воспитателей гражданских лиц. Делу был дан ход, но его развязка последовала неожиданно быстро: в феврале 1856 г. Александр II наложил запрет на прием офицеров воспитателями во все гражданские учебные заведения. С этого момента в истории Императорского училища правоведения начинается новый этап развития.

Список сокращений

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4240.
2. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4243.
3. Сюзор Г. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения (исторический очерк). СПб.: Государственная типография, 1910. 514 с.
4. Мещерский В.П. Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 1911. 453 с.
5. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4245.
6. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения СПб.: М-во нар. прос., 1902. [2], II, 785 с.
7. РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 236.
8. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Горе от ума. СПб.: Нотабене, 1995. 346 с.
9. Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 713 с.
10. Тютчев И.А. В Училище правоведения. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1885. 48 с.
11. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4528.
12. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4284.
13. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4250.
14. Конюченко Т. Статистические сведения о личном составе воспитанников и хозяйственной части Императорского Училища правоведения за 50 лет его существования. СПб.: Тип. Л. Знакова, 1886. 323 с.
15. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4249
16. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4268.
17. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4286.

**TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL SPACE
OF THE IMPERIAL SCHOOL OF LAW IN 1845–1855**

M.S. Shishkina

This article analyzes the transformation of the educational space of the Imperial School of Law in 1845–1855. The author traces the influence of the government policy in the field of education on the organization of the educational process in the School of Law. Particular attention is paid to the organization of preparation of applicants for the School, the militarization of the institution's internal regulations and to the changes in the list of disciplines. The author concludes that major changes took place in 1845–1855 in the educational space of the School of Law. These changes were not limited to the formalization and militarization of various aspects that were typical of the life of Russian educational institutions during that period. The School director A.P. Yazykov managed to make significant positive changes in the training course, which helped to improve the quality of training of the professionals for the public civil service.

Keywords: Imperial School of Law, educational space, Nicholas I, «gloomy seven years», private educational institution, jurists, A.P. Yazykov, P. G. Oldenburg, Caucasian pupils.

References

1. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4240.
2. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4243.
3. Syuzor G. Ko dnyu LXXV yubileya Imperatorskogo uchilishcha pravovedeniya (istoricheskij ocherk). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1910. 514 s.
4. Meshcherskij V.P. Moi vospominaniya. T. 1. SPb., 1911. 453 s.
5. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4245.
6. Rozhdestvenskij S.V. Istoricheskij obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya SPb.: M-vo nar. pros., 1902. [2], II, 785 s.
7. RGIA. F. 759. Op. 21. D. 236.
8. Griboedov A.S. Polnoe sobranie sochinenij v trekh tomah. T. 1. Gore ot uma. SPb.: Notabene, 1995. 346 s.
9. Taneev V.I. Detstvo. Yunost'. Mysli o budushchem. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 713 s.
10. Tyutchev I.A. V Uchilishche pravovedeniya. SPb.: tip. V.S. Balasheva, 1885. 48 s.
11. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4528.
12. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4284.
13. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4250.
14. Konyuchenko T. Statisticheskie svedeniya o lichnom sostave vospitannikov i hozyajstvennoj chasti Imperatorskogo Uchilishcha pravovedeniya za 50 let ego sushchestvovaniya. SPb.: Tip. JI. Znakova, 1886. 323 s.
15. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4249.
16. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4268.
17. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4286.